

Эн Смирнова

ПУТИ

Эн Смирнова

Пути

«Автор»

2026

Смирнова Э.

Пути / Э. Смирнова — «Автор», 2026

Что, если бы судьба дала вам шанс пережить всё заново?

Игра. Один человек. Две параллельные судьбы, два пути
— и вопрос, который неизменно придёт в нужный час.

Читайте, если вы
когда-нибудь оглядывались назад и не узнавали себя в зеркале.

© Смирнова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
Путь первый.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Эн Смирнова

Пути

*Брось!
Никто и никогда не довел бы тебя
до этой двери.
Открой ее.
Ты не один.*

Эн Смирнова

Человек редко замечает момент, когда делает выбор.

Ему кажется, что всё происходит само собой: слова сменяют молчание, работа— отдых, встречи — расставания. Жизнь течёт, как река, и ты плывёшь по ней, уверенный, что русло уже проложено кем-то. Что ты лишь следуешь обстоятельствам. Что выбора, по сути, и нет.

Иллюзия ли это. Или выбор происходит постоянно. Он складывается не только из громких, судьбоносных решений — «да» или «нет», «уйти» или «остаться». Он таится в мелочах. В слове, которое не сказал. В руке, которую не протянул. В двери, перед которой замер и не вошёл.

Каждое мгновение — выбор — сделать шаг вперёд или отступить. И в каждое мгновение этот выбор, едва заметный, как взмах ресниц, меняет траекторию жизни.

Парадокс в том, что осознание приходит потом. Иногда — через годы. Иногда — в четыре утра, когда не спится, и город за окном молчит. И ты вдруг понимаешь: всё, что случилось, было не случаем. Ты сам пришёл к этому. Своими поступками. Своим бездействием. Своими страхами и надеждами.

И тогда, глядя в потолок, задаёшь себе вопрос: «Хотел ли я прийти именно сюда?»

Ответа может не быть. Но сам вопрос уже меняет всё.

Путь первый.

Детство

Рома рос в полной семье. Отец, мать, он. Ни братьев, ни сестёр. Квартира большая, светлая, с высокими потолками и дорогой мебелью, которую мать подбирала с дизайнером. Игрушки — из тех магазинов, куда других детей не водили. Летом — море, зимой — горные лыжи. Всё, о чём можно мечтать.

Но мечтал он почему-то не об этом. Ему хотелось, чтобы после школы можно было пойти к Серёге из соседнего двора и резаться в приставку до вечера, пока не охрипнешь. Или гонять мяч за гаражами, рискуя разбить коленку и получить нагоняй. Обычные мальчишечьи радости. Но мать считала иначе.

— Этот мальчик тебе не ровня, — говорила она, глядя в окно, когда Серёга ждал его у подъезда. — У него отец — сантехник, мать — продавщица. Что ты у них возьмёшь? Чему научишься? Нет, Рома. Я тебе плохого не посоветую.

И Рома оставался дома. Мать умела говорить так, что спорить не хотелось. Вернее, хотелось, но после каждого спора он чувствовал себя виноватым, раздавленным, неправым. Поэтому проще было согласиться. Внешне — согласиться.

Внутри он протестовал как умел: тайком, исподтишка. В тринадцать лет сбежал после уроков с теми самыми «неподходящими» ребятами в соседний парк — жгли костёр, пекли картошку. Но мать узнала — то ли кто-то из знакомых увидел, то ли сама догадалась. Дома случился скандал. Она не кричала — она говорила тихо, и от этого было ещё невыносимее:

— Я столько в тебя вкладываю. Ты — моя единственная надежда. А ты с кем связался? С дворовыми мальчишками? Ты понимаешь, что они тебе не друзья? Они тебе завидуют. И однажды подставят. Запомни: твой круг — это твоя безопасность.

Он запомнил. Не потому что поверил — потому что устал сопротивляться. Так было проще.

В четырнадцать он впервые влюбился. Таня из параллельного класса — тихая, с длинной чёлкой, которая вечно спадала на глаза. Она нравилась ему без причины — просто нравилась, и всё. После школы он провожал её до подъезда, нёс портфель, они говорили о пустяках. Мать заметила эти ежедневные проводы, и однажды вечером, помешивая чай в чашке, сказала:

— Её мать — медсестра. Ты понимаешь, что это такое? Ночами на ногах, чужая боль, вечная усталость. И дочь такая же будет. Ты уверен, что это подходящая партия?

Рома хотел возразить. Сказать, что Таня рисует, у неё потрясающие картины, и с ней почему-то легко и спокойно. Но вместо этого промолчал. А через неделю Таня сама перестала с ним здороваться — то ли мать что-то сказала, то ли просто почувствовала его нерешительность. Он так и не узнал.

Отца он видел редко. Высокий, широкоплечий, с тяжёлым взглядом и привычкой говорить коротко, как будто рубил фразы топором. От него всегда пахло дорогим парфюмом и немного — сигарами, хотя он уверял, что бросил. Он много работал, ездил в командировки, возвращался поздно, иногда — на пару дней, иногда — на пару часов. Рома запомнил его не лицом, а движением: быстрый шаг через гостиную, портфель на стол, поцелуй матери в щёку, взгляд на часы.

Один раз, когда отец задержался дома дольше обычного. Рома набрался смелости, вошёл в кабинет, сел напротив. Хотел спросить про жизнь, про то, как строить отношения, про Таню — глупо, конечно. Отец выслушал его сбивчивый монолог, помолчал, глядя куда-то поверх головы, и сказал:

— Запомни, Рома. Главное — быть независимым. Остальное приложится. Деньги, статус, женщины. Если ты на ногах — ты король. Если нет — ты никто. Не рассчитывай ни на кого, кроме себя.

Это был самый долгий разговор с отцом за всё детство.

К семнадцати годам Рома усвоил две вещи. Первая: мир делится на «своих» и «чужих», и эту границу он научился чувствовать сам, без подсказок. Вторая: протестовать можно, но тихо, без последствий. Он научился улыбаться, когда хотелось кричать, и молчать, когда хотелось объяснять. Он умел быть удобным сыном, приятным собеседником, своим в любой компании — и совершенно чужим самому себе человеком.

Люди вокруг постепенно превратились в функции. Одни — полезные, с ними нужно дружить. Другие — бесполезные, от них лучше держаться подальше. Третьи — опасные, они могут ранить, если подпустить слишком близко. Любовь была либо контролем, либо расчётом — других образцов он не видел. И в глубине души, куда он сам заглядывал редко, зрела смутная, неосознанная тоска по чему-то настоящему. По тому, чему он не знал названия.

Университет

В институт Роман поступил без труда. Юридический факультет — выбор, который он даже не обдумывал всерьёз. Мать считала, что право — это престижно, отец молча кивнул, и вопрос был закрыт. Параллельно, уже по собственной воле, Роман записался на курсы по экономике бизнеса — просто, потому что нравилось. Там впервые обнаружилось, что ему не нужно зубрить: цифры и схемы ложились в голову сами, как будто ждали своего часа.

Учёба давалась легко. Корпели над конспектами другие — те, кто приехал за дипломами из маленьких городов и дрожал над каждым экзаменом. Роман не дрожал. Он схватывал на лету, умел подать себя, и преподаватели ставили зачёты автоматом. Ему завидовали, но он уже привык.

Свободы стало больше. Давление матери, такое плотное в школьные годы, теперь ощущалось иначе — оно не исчезло, но отодвинулось. Отец на совершеннолетие сделал подарок: отдельная квартира в новом доме. Светлая, просторная, с панорамными окнами и ещё пустыми комнатами, которые только предстояло обжить. Роман переехал сразу, хотя мать и была против.

— Зачем тебе одному столько пространства? — спрашивала она. — Жил бы дома, я бы помогала.

Но он знал, что значит её помощь. Поэтому ключи взял и больше к этой теме не возвращался. Мать звонила каждый день, интересовалась его делами, его кругом, его девушками. Он отвечал ровно, без раздражения — научился. Иногда недоговаривал. Иногда — откровенно врал. Это был не бунт, а скорее тихое отползание. Он уходил из-под её контроля медленно, сантиметр за сантиметром, стараясь не спровоцировать скандала.

Друзей в институте появилось много. Вокруг него всегда кто-то был — на переменах, в столовой, на вечеринках. Он уже тогда понимал: тянутся не к нему, а к тому, что он мог дать. Квартира, в которой можно собраться шумной компанией. Деньги, которыми он расплачивался в кафе. Полезные связи его отца. Всё это работало как магнит. И Роман не обманывался — он был достаточно умён, чтобы видеть разницу. Но гнал от себя эти мысли. Проще было считать, что это и есть дружба. Когда ты в центре внимания, ты не одинок. Не так ли?

Девчонки липли к нему как мухи — лёгкие, нарядные, пахнущие сладкими духами и собственным нетерпением. Они были разные: ухоженные до глянца дочери состоятельных родителей и простые студентки из области, которые смотрели на него с восторгом и робостью одновременно. Они сами находили его в коридорах, сами предлагали встретиться после пар, сами писали первыми — длинные сообщения с глупыми смайликами, которые он иногда даже не дочитывал. Он не отказывал. С кем-то задерживался чуть дольше, с кем-то расставался уже после первого свидания, едва захлопнув за ней дверь квартиры. Были все, кроме одной. Той, о которой он думал чаще, чем хотелось бы, — той, к которой хотел подойти тысячу раз, но так и не подошёл.

Боялся.

Не её — себя. Того, что мать, узнай она о его выборе, снова скажет что-то уничтожающее. «Не ровня», «бесперспективно», «ты совершаешь ошибку». Он почти слышал её голос каждый раз, когда думал о Лизе. И отступал. Снова. Опять.

К окончанию института Роман уже знал: он может всё. Казалось, он сам принимал решения, и никто — ни мать, ни отец — ему не указ. Но где-то глубоко внутри, там, куда он заглядывал редко, продолжали работать старые механизмы. Воспитание, впитанное с детства. Привычка делить людей на «правильных» и «неправильных». Страх ошибиться. Страх не оправдать чьих-то ожиданий.

Партия

После института Роман не пошёл работать по специальности — корочки юриста легли в стол, где и пролежали без надобности. Он занялся бизнесом. Тем самым, о котором думал на курсах по экономике, — живым, настоящим, его собственным.

Стартовый капитал дал отец. Просто перевёл деньги на счёт, без лишних слов и условий. «Захочешь — вернёшь», — сказал он. Отец никогда не требовал, не указывал, не решал за него. Он помогал, как умел.

Первые годы были тяжёлыми, но именно эта тяжесть нравилась ему больше всего. Здесь, в мире переговоров, расчётов и жёстких решений, он впервые сам держал всё под контролем — до последней цифры, до мельчайшего пункта в договоре. Возможно, так он пытался перекрыть, заглушить то давнее, почти забытое ощущение, когда контролировали его. Теперь рычаги были в его руках, и никто не мог указывать, что ему делать. Только он сам — и результат. Упал — вставай. Ошибся — исправляй. Победил — молодец, но завтра всё начнётся заново.

Карьера шла в гору. Не сразу, не по щелчку, но неуклонно, как он любил. Через пару лет Роман уже владел небольшой компанией, которая оказывала консалтинговые услуги среднему бизнесу. Он работал по четырнадцать часов в сутки — и чувствовал себя живым. Это было единственное, что принадлежало ему по-настоящему. То, что он выбрал сам. Без указки, без надзора, без советов. От души. От сердца. Его дело, его детище.

Но бизнес — штука суровая. В его механизмах человек грубеет быстро. Роман научился давить. Сначала — конкурентов, потом — партнёров, потом — тех, кто работал на него. Он не был жестоким, нет. Он был рациональным. Но с каждым годом эта рациональность всё больше напоминала холод. Цифры вытесняли чувства. Результат заменял отношения. Он сам не заметил, как стал жёстче. Как перестал прощать ошибки — сначала чужие, потом и свои. Как научился закрывать дверь перед носом у людей, которые были ему невыгодны. Это работало. В бизнесе это всегда работает.

Примерно тогда же он женился.

Её звали Анна. Высокая, статная, с породистым лицом и манерами, отточенными в лучших школах. Дочь человека из администрации города — влиятельного, осторожного, с нужными связями. Роман познакомился с ней на приёме, куда его пригласили как подающего надежды предпринимателя. Она держалась уверенно, говорила мало, но по делу. Смотрела оценивающе — и он смотрел так же.

Это был осознанный шаг. Он сам принял решение. Ему нужна была спутница — соответствующая его статусу, его амбициям, его планам. Анна подходила идеально. Он говорил себе, что это его выбор. Не родителей, не обстоятельств — его собственный. Так и было. Но где-то на периферии сознания мелькала мысль: мать бы одобрила. И он действительно представил, как она улыбается, разглядывая фото будущей невестки. «Достойная партия», — скажет она. И он оказался прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.